

УДК 1 (091)

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РИТОРИКИ В ВОЗЗРЕНИЯХ АЛЬБЕРТА О. ХИРШМАНА

Е.Е. Михайлова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

DOI: 10.26456/vtphilos/2020.4.252

В русле воззрений американского теоретика Альберта Отто Хиршмана рассмотрены условия эффективности современного политического дискурса, в частности, его риторики, тематики и контекста. Показано, как аргументирует Хиршман три варианта реакционной критики, направленной на действия властей. Первый тезис предостерегает о возможном ухудшении результатов, второй – о напрасности усилий, третий – о высокой цене изменений. Несмотря на конфронтацию и полярные прогнозы реформ, в риторике реакционеров и прогрессистов обнаруживается глубокая взаимосвязь. Свобода как возможность интерпретации, равенство интересов и прогресс – таковы базовые ценности политической риторики. Предпринятый Хиршманом анализ полярных жанров политической риторики наводит на мысль о том, как важно непрерывно повышать уровень споров, иметь открытое пространство для диалога, гибкой критики и выразительных средств аргументации.

Ключевые слова: *Альберт. О. Хиршман, дискурс, политическая риторика, эффективность, интерпретация.*

Актуальность обращения к проблематике политического дискурса, его риторики, жанров и тематизации, высвеченной в конкретном контексте, очевидна. Теоретики поднимают вопросы о типичных для современных демократических обществ тревожных ощущениях собственной оторванности от общественного мнения и жизненного опыта большого числа современников, об отсутствии согласованности интересов, о снижении значимости самосознания субъекта в отношении трансформации структурно-институциональных основ общественной жизни, о сложностях систематического общения между противостоящими группами граждан, например, либералов и консерваторов, прогрессистов и реакционистов, центристов и радикалов, глобалистов и антиглобалистов и т. д. (см.: [2; 3; 5]). Говоря о высокой значимости рефлексии субъекта, исследователи солидаризируются в мнении о том, что целью современной политической риторики должен стать совместный «поиск поливариантных рациональных стратегий изменения фактуры современного мира, в перспективе необходимого для создания и обеспечения гармоничной жизни личности» [1, с. 242].

Цель статьи – рассмотреть эффективность политического дискурса, в частности, его риторики, сквозь призму воззрений Альберта

Отто Хиршмана (1915–2012), американского профессора политической экономики, теоретика, рельефно выразившего идею взаимозависимости экономики и политики в современных демократических государствах.

Политический дискурс, по наблюдениям современных теоретиков, формируется на основании разного рода коммуникативных событий и их специфических воспроизведений. Значения и формы политического дискурса зависят от «...событийных моделей или политических репрезентаций, таких, как знания, отношения или идеологии, которые сами по себе являются производными контекстных моделей», – считает нидерландский ученый Тён Ван Дейк [2, с. 224]. Со времен Мишеля Фуко исследователей интересует дискурс как семантическая возможность властного воздействия на политических оппонентов и на гражданское общество в целом. Полемику вызывают так же вопросы, связанные с семантикой политического дискурса, в частности, с выяснением того, насколько можно говорить о объективном или субъективном характере риторики политиков [6].

В исследовании А.О. Хиршмана «Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность» (1991) политический дискурс рассматривается гибко: как социальный и политический феномен, который, будучи нормативным, реализуется в индивидуальных текстах и речах, приобретая, тем самым, некую субъективную риторическую тональность. Автор книги старается убедить себя и читателей в том, что «политический дискурс определяется не столько базовыми чертами личности, сколько “императивами аргументации”, практически не зависящими от желаний, склада характера или убеждений участников» [4, с. 9]. Безоговорочное и неререфлективное признание нормативной легитимности общественного порядка кажется ему «подневольным», поэтому теоретик модифицирует дискурс: наряду с жесткой нормативностью предлагается восстановить риторику гибких коммуникаций. Привлекая множество примеров, Хиршман осуществляет попытку семиотического анализа риторики, которую традиционно пускали в ход консервативные политики, экономисты и публицисты для противостояния прогрессивным программам и реформам.

Со времен Шарля де Монтескье социальный порядок, призванный ограничить безграничное расширение власти, должен быть достигнут путем создания целого ряда «институциональных и конституционных страховых механизмов, вмонтированных в политическую систему» [5, с. 124]. Немаловажную роль при этом играет политическая риторика как неизменная составляющая политического дискурса. Сегодня важным ингредиентом интеллектуального климата становится критическая риторика. Она имеет два контекста: широкий – критика регрессивных черт капитализма с его проблемой отчуждения и препятствованием полноценному развитию человеческой личности, и узкий – критика и

интерпретация действий политической власти в происходящих «здесь-и-теперь» событиях.

Хиршман подвергает конструктивной оценке триаду политических тезисов, описывающих механизм дискурсивного противостояния консервативных групп действиям властей. По направленности эти тезисы носят реакционный характер (реактивно-реакционный, в артикуляции самого теоретика. – *Е.М.*), а по форме подачи – выглядят захватывающе тревожными. Первый тезис – *об извращении* – излагает протестную практику искажения программ и реформ, осуществляемых властью; второй тезис – *о тщетности* – отражает изначальный настрой на безуспешность действий властей; третий – *об опасности* – предостерегает о неэффективных последствиях. Вместе с тем автор объясняет свою позицию и уточняет, что рассматриваемые им аргументы не являются исключительной собственностью так называемых «реакционеров». Термину «реакция» не придается негативная или уничижительная коннотация, как это часто бывает в политике. У Хиршмана речь идет о реакции как ответе на действие, как о противоположном реагировании на действие. Поэтому тезисы, предлагаемые им для анализа современного политического дискурса, следует рассматривать гораздо шире – как дискурсивную реакцию той или иной группы, выступающей с критикой политических проектов или политических действий.

Содержательно тезисы выражают три аспекта оценки текущей политики. Вот как характеризует их сам Хиршман. Тезис об извращении, или об искаженных последствиях (слово «искаженный» привычнее для лексики русского языка. – *Е.М.*), отражает позицию, согласно которой «любое осмысленное действие по улучшению политического, социального или экономического порядка приведет лишь к усугублению тех обстоятельств, которые пытаются исправить». Тезис о тщетности гласит, что «попытки общественного реформирования окажутся бесплодными, если попросту ни к чему не приведут». Тезис об опасности утверждает, что «цена за предлагаемые изменения и реформы будет слишком высокой, так как она ставит под угрозу некоторые прежние ценностные достижения» [4, с. 16–17]. Таким образом, в воззрениях Хиршмана речь идет о трех вариантах критики реакционного политического дискурса. Первый тезис предостерегает о возможном ухудшении результатов в ходе реформ, второй – о напрасности усилий, третий – о высокой цене изменений. В первом случае результат видится контрпродуктивным, во втором – бесплодным, в третьем – небезопасным.

Реакционный характер политического дискурса имеет свою особую историю. Он зародился в XVIII в., со времен Великой французской революции, на пересечении двух направлений мысли, когда требования политической демократии о равных правах всех граждан столкнулись с мнением о существовании «немногих единиц», обладающих привилегированным статусом [4, с. 31]. После волны восстаний середины

XIX столетия реакционный дискурс распространился по всей территории Европы. Этому есть свои объяснения. Расширяющаяся практика всеобщего избирательного права вызывала резкое раздражение элиты, занимавшей непримиримую оппозицию к таким политическим мерам. Тот факт, что толпа может стать значимым политическим актором, – этого элиты не могли перенести спокойно. Хорошо иллюстрирует враждебную тональность элиты ко всеобщему избирательному праву суждение Г. Лебона, подкорректированное позже Г. Спенсером, о том, что «неподготовленные законодатели» могут только увеличить страдания людей, пытаясь свести их на нет [4, с. 32]. Опасения интеллектуалов сводились к мысли о том, что ухудшение случается именно там, где должно было быть улучшение [4, с. 35].

Непосредственно тезис об извращении/искажении остро зазвучал во второй половине XX в. в сфере экономики и социальной политики государств, нацеленных на создание общества всеобщего благосостояния. Для иллюстрации Хиршман приводит фразу из работы Ч. Мюллера «Земля уходит из-под ног» (1984): «Мы пытались дать нищим как можно больше, а в результате нищих стало лишь еще больше. Мы пытались устранить барьеры, препятствующие выходу из нищеты, а в результате создали новую ловушку бедности» (цит. по: [4, с. 38]). Иными словами, правомерная, но недостаточно продуманная организация практики социальной поддержки населения (пособия по безработице и социальные выплаты) на долгое время дискредитировала себя и с тех пор стала предметом неизменной критики.

Подвергая рассудительной критике тезис реакционеров об извращении, Хиршман не спешит сбросить его со счетов. Наоборот, он считает, что до определенного момента реакционный или протестный дискурс может быть полезным, поскольку вскрывает недостатки политической программы или проекта. Однако нельзя пропустить момент, когда конструктивная критика превращается в пустую и, более того, становится разрушительной. Хиршман пишет, что «феномен извращения никоим образом не является мыслимым вариантом непреднамеренных следствий и побочных эффектов» [4, с. 47]. В протестной реакции усматриваются две тенденции: положительная и отрицательная. К примеру, страхование по безработице до определенного времени может способствовать «ленности» человека в том смысле, что какое-то время не будет предпринимать срочных усилий по поиску работы, но одновременно это дает ему возможность и не хвататься на любую постылую работу. Позитивная тенденция может перерасти в негативную только тогда, когда безделие становится нормой. В этом случае должны вступать в силу профилактические меры со стороны политиков. Тем самым, «склонность к извращению имеет все шансы быть обнаруженной и исправленной» в реальных социальных практиках, публично обсуждаемых и корректируемых, – резюмирует Хиршман [4, с. 52].

Французская революция стала будоражающим событием, породившим не только тезис об извращении, но и другой тезис – о тщетности. Внедрение последнего в интеллектуальную мысль осуществлялось в несколько этапов. Как осуждающий и разоблачающий тезис о тщеславии появился в работах консервативно настроенного историка, современника французской революции А. де Токвиля. Впоследствии он трансформировался в теориях Г. Моско и В. Парето, которые разными словами говорили о двух выводах. Первый: если любое общество всегда поделено на тех, кто правит, и тех, кем правят (Моско) или на элиту и не элиту (Парето), тогда любое движение к политическому гражданству обречено на неуспех. Второй: введение всеобщего избирательного права и демократических избирательных процедур не может привести ни к каким реальным политическим или общественным изменениям. Таким образом, тезис о тщетности выражает мысль о том, что результативность реформ внешне иллюзорна, тогда как глубинные структуры общества остаются полностью нетронутыми. «Чем больше перемен, тем больше того же самого», – вспоминает Хиршман афористическое выражение, имеющее хождение еще со времен Французской революции [4, с. 53].

Два первых тезиса – тезис об извращении и тезис о тщетности – внешне выглядят одинаковыми, т. к. звучность аргументов их сторонников сводится к отрицанию или принижению значимости тех или иных политических шагов власти. Оба тезиса опираются на понятие непреднамеренных следствий человеческих поступков. В обоих случаях утверждается тщетность усилий и действий для достижения цели: результат либо отсутствует, либо получается прямо противоположный задуманному. Оба тезиса не исключают, что ценности могут работать на одной стадии и перестать работать на другой. Однако на глубинном уровне оба тезиса отражают прямо противоположный взгляд на осмысленное социальное действие. Приведем разъяснения самого Хиршмана: «В свете эффекта извращения социальный мир предстает как в высшей степени *изменчивый*, в нем каждое движение тут же приводит ко множеству непреднамеренных контрдвижений; в рамках же тезиса о тщетности мир видится как *в высшей степени структурированный*, как развивающийся в соответствии с имманентными законами, которые люди не в силах изменить» [4, с. 83]. Получается, что у обоих тезисов совершенно разная идеологическая направленность. Первый тезис демонстрирует бессилие человека перед судьбой, второй – принижает действия человека на фоне авторитета науки. В этом смысле эффект извращения, на взгляд Хиршмана, близок вере в судьбу и прямое сверхъестественное вмешательство, тогда как тезис о тщетности связан с верой в авторитет науки. Последнюю мысль хорошо иллюстрируют усилия теоретиков XIX столетия в их желании создать социальную науку с законами, подобными тем, которые управляют физическим миром.

Третий тезис реакционной политической риторики – тезис об опасности, в интенции Хиршмана, базируется на исторически обоснованном аргументе: расширение прав от гражданско-правового – к политическому и далее – к социально-экономическому проблематично уже по своей сути, так как предлагаемое движение вперед наносит ущерб одному или сразу нескольким прежним завоеваниям. Беря за основу троичную схему Т.Х. Маршалла, согласно которой гражданские, политические и социально-экономические расширения прав человека и общества осуществлялись последовательно на протяжении трех столетий, Хиршман выводит тезис об опасности, который звучит так: «Прежние завоевания и достижения не следует считать чем-то само собой разумеющимся, а новая политика может подвергнуть их опасности» [4, с. 95]. Признавая полезность схемы Маршалла, Хиршман позволяет себе выдвинуть две вариации на тему тезиса об опасности. Первая – демократия угрожает свободе; вторая – государство всеобщего благосостояния угрожает свободе и демократии [4, с. 96].

Сторонники тезиса об опасности по-своему правы, считает Хиршман, когда солидаризируются со сторонниками взаимной поддержки. В их риторике есть две общие линии. Первая линия рассуждений звучит так: новая реформа на некоторое время усиливает старую, но затем вступает с ней в конфликт, когда та проходит определенный рубеж, и преодолевает ее. Вторая линия отражает противоположный сценарий: реформа порождает высокую напряженность и нестабильность общества, однако со временем новые формы и старые институты и практики «притираются» друг к другу, начиная друг друга подпитывать. Подобные схемы кажутся внешне простыми, на самом деле все взаимосвязи намного сложнее и требуют тщательной интерпретации.

Интересно, как Хиршман рисует галерею образов носителей трех протестных политических риторик. На его взгляд, тезис об извращении свойственен страстному критикану, активисту, сражающемуся против практики, которая по тем или иным причинам, видится ему уязвимой; он видит реформаторов как весьма благонамеренных, но заблуждающихся людей. Тезис о тщетности отстаивает интеллекул-скептик, который нацелен на критику ложного фасада реформ; он пытается вывести реформаторов на чистую воду и показать их корыстную сущность. Тезис об опасности артикулируют те, кто не боится критиковать в открытую взаимоисключающий характер реформ; такого рода реакционерам иногда даже удается предстать в одеяниях сторонников прогресса, когда они говорят: есть ли смысл жертвовать одной стороной прогресса ради другой. Таким образом, носители реакционной риторики первых двух тезисов, на взгляд Хиршмана, необычайно просты и прямолинейны, чего нельзя сказать о сторонниках тезиса об опасности, которые внешне демонстрируют себя сторонниками прогресса, являясь на самом деле хранителями слабо рефлексированных традиций.

Если суммировать то, как аргументирует Хиршман варианты реакционной критики, направленной на действия властей, то первый тезис предостерегает о возможном ухудшении результатов, второй – о напрасности усилий, третий – о высокой цене изменений. Несмотря на конфронтацию и полярные прогнозы реформ, в риторике реакционеров и прогрессистов обнаруживается глубокая взаимосвязь. Свобода, равенство и прогресс – таковы базовые ценности политической риторики обеих групп. Отличия состоят в дискурсивной тональности, окрасе и акцентах, расставляемых при интерпретации событий и действий. Консерваторы понимают свободу как гарантированность для гражданина его естественных прав; либералы акцентируют внимание на свободе как возможности интерпретации. Для консерваторов равенство – это то, что реализуется посредством институциональных и конституциональных страховочных механизмов, в либеральной и прогрессистской риторике чаще звучит равенство как признание интересов другого. И реакционная риторика, и либеральная не исключают, что ценности, работающие на одной стадии реформ, могут перестать работать на другой. Эффективность политической риторики заключается в том, чтобы вовремя обнаружить и озвучить момент ослабления значимости предпринимаемых властью действий.

Анализ эффективности политической риторики, осуществленный Хиршманом, наводит на мысль о том, как важно иметь открытое пространство для диалога, гибкой критики и выразительных средств аргументации.

Список литературы

1. Губман Б.Л., Ануфриева К.В. Теория рефлексивной модернизации: традиция Нового времени и современный мир // *Философия. Наука. Культура: сб. науч. ст., посвященных 60-летию профессора А.А. Шестакова*. Самара: Самарский гос. архитектурно-строительный ун-т, 2015. С. 226–242.
2. Дейк ван Т. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и власти / пер. с англ. 2-е изд. М.: УРСС: Книжный жом «ЛИБРОКОМ», 2015. 352 с.
3. Зименкова Н.Н. Согласование интересов как способ повышения эффективности коммуникаций // *Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Философия»*. 2019. № 3 (49). С. 91–97.
4. Хиршман А. Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность / пер. с англ. Д.А. Узланера. М.: Высшая школа экономики, 2010. 208 с.
5. Хиршман А. Страсти и интересы: политические аргументы в пользу капитализма до его триумфа / пер. с англ. Д.А. Узланера. М.: Изд-во института Гайдара, 2012. 200 с.
6. Юе С. Семантический анализ политических концептов в политическом дискурсе на глубинном уровне // *Политическая лингвистика*. 2020. № 4 (82). С. 132–137.

EFFICIENCY OF POLITICAL RHETORIC IN THE VIEWS OF ALBERT O. HIRSHMAN

E.E. Mikhailova

Tver State Technical University, Tver

In line with the views of the American theorist Albert Otto Hirschman, the author considers the conditions for the effectiveness of contemporary political discourse, in particular, its rhetoric, themes and context. It is shown how Hirschman approaches three variants of reactionary criticism aimed at the actions of the authorities. The first thesis warns of a possible deterioration resulting from the changes, the second – claims the futility of efforts, the third – predicts the high cost of changes. Despite confrontation and polarizing predictions of reform, the rhetoric of reactionaries and progressives is deeply intertwined. Freedom as an opportunity for interpretation, equality of interests and progress – these are the basic values of political rhetoric. Hirschman's analysis of the polar genres of political rhetoric suggests how important it is to continuously raise the level of debate, to have an open space for dialogue, flexible criticism, and expressive means of argumentation.

Keywords: *Albert. O. Hirschman, discourse, political rhetoric, efficiency, interpretation.*

Об авторе:

МИХАЙЛОВА Елена Евгеньевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверского государственного технического университета», Тверь. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Author information:

MIKHAILOVA Elena Evgenyevna – PhD, Prof., Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru